

Август в Подмосковье — самое лучшее время. Днем уже не жарко, а ночи так просто холодные. Воздух мягкий, шелковистый, нежный. Пыль слегка прибило, а пахнет... Бог это знает чем пахнет. Весной — цветами всякими, потом сладкой черемухой, сиренью, жасмином. В июле пахнет пылью, а в августе запах какой-то непонятный — немного сосновой хвои, немного дымка, немного скошенной травы. Вроде легкий запах, почти неуловимый, а если один раз подышал — и ни с чем не перепутаешь и никогда не забудешь.

Лада Вершинина шла по Малаховке от станции к дачам по знакомым и в то же время почти забытым улицам. В августе темнело поздно, и в шесть часов вечера солнце еще светило, хотя было совсем не жарко. Лада радовалась, что в электричке накинула джинсовую куртку. Недавно она справила сорокалетие и еще не успела привыкнуть к этой новой цифре. Все казалось, что ей тридцать с небольшим, ну тридцать пять, а потом вдруг вышло, что молодость не где-то там впереди кончается, а уже вполне официально кончилась, и пошел пятый десяток. Впрочем, внутренне она этого совершенно не чувствовала.

«Сколько же я тут не была? Лет двадцать, не меньше. Ну конечно, шестнадцать лет. Как все изменилось... И не изменилось тоже. Вот этого дома не было. И этого. И этого псевдозамка не было, чудовище какое. Ой, а эта избушка косая — старенькая, похоже, они за двадцать лет забор

даже не поменяли. Кто там жил? Не помню. Улицы по-старому называются, смешно...»

Лада знала, что знаменитый деревянный малаховский театр сгорел, поэтому пошла от станции вдоль железной дороги по Южной улице, свернула налево, на улицу Луначарского, перешла Тургеневскую. С раннего детства она ходила этой дорогой домой со станции — с бабушкой, с дедом, с мамой и папой. Потом уже и сама бегала, и на велосипеде носилась, каждый камешек тут знала. А потом как-то кончилось детство, но Малаховка оставалась. Дедушка и бабушка жили тут круглый год. Лада жила с родителями в Москве, но у деда с бабкой бывала часто, иногда жила по нескольку дней, а один раз даже зимовала целую зиму — так обстоятельства сложились. С родителями поссорилась, в личной жизни был какой-то раздрай, в Москве противная слякоть. Она заехала навестить стариков, а тут лежит нетронутый снег, красота, тишина. Ночью сугробы отливают синим, звезды большие, яркие, не то что московская мелочевка. Идешь ночью в уличный дощатый туалет, другого не было, мороз покусывает щеки. Где-то с ветки кусок снега с шуршанием падает — и опять тишина. Лада подумала, что надо обязательно написать этот зимний вид, благо этюдник оказался с собой, а если чего не хватит — можно у деда взять и краски, и кисточки, и холст. Дед Лады профессиональным художником не был, но очень неплохо рисовал и даже иногда писал маслом. Это под его влиянием Лада поступила в художественное училище. Лада

хотела зависнуть на пару дней и прожила до весны. Ела бабушкины блинчики с малиновым вареньем, пила чай из старинных фарфоровых чашек с золоченым рисунком и слушала дедовы рассказы про старую жизнь, про Петербург, где дед родился в незапамятные времена, в самом конце девятнадцатого века, про старую Малаховку, про разных удивительных людей, которых дед видел в жизни. Так незаметно зима и пролетела.

А через несколько лет дед начал болеть и умер. И волшебный уют рассыпался. Бабушка не находила себе места, из нее ушла вся ее обычная энергия, она вдруг стала старенькой и неловкой. Разбила сервиз с красным рисунком и позолотой, как-то весь сразу: решила зачем-то его «освежить», достала из буфета, и чашки попрыгали у нее из рук. Разбились все, кроме одной, но и у той отбилась ручка. Потом на умывальнике лопнула старинная фаянсовая раковина, расписанная ирисами, настоящее произведение искусства. А потом бабушка упала, сломала ногу, больше жить одна не могла, перебралась в Москву к сыну, Ладиному отцу. Мама с папой к этому времени давно развелись, и Лада вместе с мамой уехала в Америку. С тех пор прошла целая жизнь, Лада думала, что Малаховку уже никогда не увидит. Бабушка умерла, старый дом отошел государству еще до приватизации жилья. По Москве Лада почти не скучала, а вот по Малаховке — очень сильно, даже иногда во сне видела. По зиме с синими сугробами и горбушкой луны среди звездной

россыпи. Но особенно по августу, шелковистому воздуху, отходящему лету, долгим вечерам. Где-то постепенно затихают детские голоса и звоночки велосипедов, сумерки подбираются медленно, под сиреневым кустом стол с самоваром. Дорожка к туалету заросла золотыми шарами, а под окном уже распускаются астры. Ладе даже снились эти вечера и запах астр, хотя, как известно, астры решительно ничем не пахнут. Это флоксы пахнут. Цвели ли в августе флоксы, Бог их знает, но как же было там хорошо.

Отец Лады в Америку не уехал, но в Малаховке бывал очень редко, навещал могилу родителей раз в год, в родительскую субботу. И однажды встретил на кладбище Ладиного соседа, ровесника и друга детства Ваньку Полякова. Ванька красил оградку на могиле своей матери и тоже занялся этим в родительскую субботу.

Участки, где жили Лада и Ванька, разделял забор. В детстве они были закадычными друзьями, хотя иногда ссорились до драки. Ванька пускал в ход кулаки, Лада — слезы и визг, а иногда звала бабушку, так что поле боя оставалось за ней. Но после непродолжительной ссоры они снова мирились. В конце школы между ними случился даже роман. Ну как роман, так, ерунда, конечно, но все-таки первая любовь. А потом как-то разбросала жизнь. Лада в основном жила в Москве, Ванька — в Балашихе, там его родители получили квартиру. Жизнь стала совсем разной. Встречались иногда в Малаховке случайно, болтали через забор, все

собирались встретиться толком, посидеть, но так и не встретились. В сущности, говорить им было особенно не о чем, а детство, когда они могли сидеть на крыше сарая и говорить обо всем на свете, отошло далеко.

Ванька очень обрадовался, увидев Ладиного отца, удивился, узнав, что Лада давно в Америке. С ним тоже произошли чудесные перемены: он стал богатым человеком, а дом в Малаховке приватизировал, перестроил, точнее, построил новый на месте деревянного. Но не уродский новорусский особняк, а красивый, какой-то легкий, летящий, из светлого дерева. Лада приехала в Москву навестить отца, созвонилась с Ванькой, они встретились в городе, вместе пообедали. А теперь Лада ехала к нему в гости. Она с удовольствием шлепала кроссовками по пыльной дороге. «Асфальт-то так и не положили, новые русские! Ну и хорошо».

По правую руку началась рощица, которую, сколько Лада себя помнила, называли Полянкой. Может быть, задолго до Ладиного рождения там и впрямь была какая-то поляна, но уже лет пятьдесят там росли деревья — в основном американские клены, березы и тополя, а среди них петляла главная дорожка, от нее вбок отходили дорожки поменьше. Главная пересекала Полянку по диагонали и выходила к задкам дома Суворовых, бабушкиных и дедушкиных друзей. Рядом с Суворовыми был магазин, который местные называли палаткой, хотя уже в Ладином детстве это

была бетонная коробка, а сейчас, по Ванькиным рассказам, почти супермаркет и снаружи похож на теремок. Ладе захотелось посмотреть на дом Суворовых, если он уцелел, на обновленную палатку-теремок, и она свернула на дорожку, пересекавшую Полянку.

Деревья изрядно разрослись, никто их за эти годы не трогал. Окружающее Лада не узнавала, и вдруг сбоку мелькнул знакомый силуэт — сгоревшее дерево. Непонятно, как оно уцелело за эти годы, но оно всегда тут было, сколько Лада себя помнила; кажется, в него ударила молния, расколола, и оно торчало обугленное. Под этим деревом был пенек и лежало бревно, место получалось укромное, там Лада, Ванька и их третий приятель Юрка в школе тайком курили и пробовали портвейн.

«Да ну, ерунда, — отмахнулась Лада от глупых воспоминаний, — сгоревшее дерево давно сгнило, это какое-то другое. Ваня говорил, что в девяностые в Малаховке было очень много пожаров». Но ноги сами понесли ее к памяtnому месту через какие-то кустики и сломанные ветки. Конечно, место было другое, но тоже скрытое от глаз. Никакого пенька, никакого бревна, почему-то ветка у американского клена на уровне лица сломана. Лада отвела сломанную ветку и замерла.

На земле лежала женщина. И женщина была мертвая, живые так лежать не могут. По ее лицу ползали здоровые муравьи.

«Наверно, тут муравейник», — подумала Лада.

От неожиданности она даже не испугалась, просто стояла и смотрела на мертвое лицо. «Я ее не знаю», — подумала Лада, и вдруг ее окатил ужас. Из ушей как будто выдернули пробки, до нее сразу донеслись шум и голоса, живот свело, она попятилась, развернулась и бросилась бежать.

Долго бежать не получилось, закололо в правом боку. Свернув на Советскую улицу, Лада перешла на быстрый шаг. Около своей калитки стоял Ванька и крутил головой, высматривая ее. Увидел — растрепанную, покрасневшую. Лада кособоко ковыляла, прижимая правую руку к боку, вид у нее был безумный. Ванька быстро пошел ей навстречу, и она ткнулась носом в его широкую грудь.

— Там... там... там труп!

— Какой труп? — растерялся Ваня.

— Женский. Недалеко от Суворовых.

— Чей труп?

— Я ее не знаю. — Лада снова начала дрожать и тяжело задышала. — Что делать-то, Вань? В милицию надо. Я боюсь, Вань.

— Пошли к Юрке! — Ваня взял ее за руку и быстро повел в сторону палатки.

— К какому Юрке? Зарубину? А при чем тут Зарубин? Пойдем к ментам.

— А он и есть мент. Капитан, кажется. Только бы он был не на дежурстве и не в запое.

В детстве Зарубин был третьим членом их маленькой компании. Лада не знала, что он стал ментом, она его с детства не видела.

Зарубин оказался дома, точнее, на улице рядом с домом. Он был не очень трезвый, но и пьяным его не назовешь. Задумчиво красил забор в нежно-салатовый цвет. Увидел Ладу, расплылся в улыбке, вытер руки тряпкой и распахнул объятия.

— Какие люди! Ты откуда здесь? Прямо из Америки своей?

Лада чмокнула его в щеку. Он с детства мало изменился. Они с Ваней были как позитив и негатив — оба высокие, но Ваня блондин с прямыми волосами и светлой кожей, а Юрка смуглый, с темными кудрями и длинными ресницами, немного похож на цыгана.

— Пойдем в дом? У меня водочка есть, огурчики свои, мама солила. Ты, Ладка, водку-то еще пьешь? Да что с вами, вы вздернутые какие-то? Случилось что?

— Лада труп только что нашла. На Полянке.

Юркино лицо по инерции еще улыбалось, но глаза стали серьезными, а потом и губы поджались.

— Около дома Суворовых? — почему-то спросил он не у Лады, а у Вани. — Убили?

— Да я откуда знаю, пойдя посмотри, ты мент. Труп только Лада видела.

— Что происходит, черт... — пробормотал Юрка, полез в карман за мобильником, жестом показал, чтобы они оставались на месте, и пошел в дом, прижимая телефон к уху.

Вскоре он вышел уже не в домашней одежде, и они заспешили к Полянке.

Лада показала место, где она нашла труп, но подходить не стала. Было не то чтобы страшно, но очень неприятно. Со стороны станции подошли какие-то люди, пара человек в милицейской форме, пара — без. Лада стала оглядываться по сторонам, чтобы не видеть, что происходит под кустами, посмотрела в сторону дома Суворовых.

Она любила этот дом. Он был деревянный, какой-то занятой архитектуры, похожий на замок. На веранде — цветные стеклышки. Внутри стояла старая мебель, даже абажур у люстры выглядел древним. В доме было множество удивительных предметов, которые так интересовали ее в детстве: фотоальбомы в плюшевых обложках, какие-то картины в потемневших рамах, музыкальная шкатулка, разные статуэтки, веер с кистями, модель парусника, настоящий самовар. Чай пили из чашек тончайшего фарфора. В доме жили тетя Вера и дядя Саша, друзья ее бабушки и дедушки. Тетя Вера была очень доброй, всегда что-то старалась ей подарить, разрешала в доме все трогать и всюду заглядывать.

На комодѣ сидѣла старинная кукла в шелковом платьѣ и чепцѣ с пожелтевшими кружевами. Лицо у куклы было фарфоровое, и ручки тоже, а тело ватное; как с такой играть — непонятно. Но она была такая красивая, что маленькая Лада ее рассматривала и с ней разговаривала. Ей казалось, что кукла похожа на тетю Веру в молодости, на тех фотографии в плюшевых альбомах. Тетя Вера

потом подарила Ладе эту куклу, настояла, только велела не снимать медальон, пришитый к платью.

Уезжая в Америку, Лада отдала куклу Тамаре Васильевне, Юркиной матери. Она боялась, что кукла антикварная и через границу ее не пропустят.

Наконец у Лады взяли показания. Сказать ей было особенно нечего: шла со станции, сошла с дорожки, чтобы поближе посмотреть на дом Суворовых, увидела труп. Она подписала какую-то бумажку и подошла к Ивану. Он держался в стороне, подальше от ментов. Они пошли к дому Ивана, Юрка остался выполнять свои обязанности.